

Двойной портрет

Майков был не совсем Аполлон.
Борода его аляповато
отдавала коляске поклон,
словно дворницкая лопата.

Но цинизм в глубь души не проник,
и сознание раздвоенной грамы,
словно цензорский тайный дневник,
выдавало на власть эпиграммы.

Он позорно писал о царе,
и однажды так шлепнулся в яму.
Хорошо — о дожде, о заре
и про выставленную раму.

Был он даже Белинским пригрет,
хоть стихи были столько плохи.
В целом, что ж? Получился портрет
и себя самого, и эпохи.

Тот поэт — кто, срываясь, любя,
написал и свой век, и себя.
Без такого двойного портрета
вообще не бывает поэта.

● Евгений ЕВТУШЕНКО

В одном из выпусков серии «Вечные спутники» Д.С. Мережковский объединил очерки о Достоевском, Гончарове и Аполлоне Майкове, что должно было удивить многих явной неравноценностью третьего имени по отношению к двум первым. Но в истории литературы так довольно часто случалось. При всей моей любви к Некрасову понимаю: студенты, кричавшие на его похоронах, что он выше Пушкина, были чистосердечны, но уж слишком лишены чувства соразмерности величин.

Однако Мережковский, сам того, может быть, не желая, подписал Майкову строгий приговор, как бы не подлежащий обжалованию: «Жизнь Майкова — светлая и тихая жизнь артиста, как будто не наших времен». Далее приговор еще усиливается: «Ни борьбы, ни страстей, ни врагов, ни гонений».

По слухам, Сталин, когда ему подали очередной список на арест, где была фамилия Пастернака, вычеркнул ее, снисходительно усмехнувшись: «Оставьте в покое этого небожителя...». Тем не менее этот весьма земной небожитель, вроде бы избежавший ввязываться в политику, волей-неволей оказался в центре политической борьбы и вопреки навязываемой ему аполитичности создал и в романе, и в стихах не только собственный портрет, но и портрет своего времени. Ну а если бы, предположим, роман «Доктор Живаго» благополучно напечатали и не было бы никаких «ни борьбы, ни врагов, ни гонений»? Исторически это было почти невозможно — система обязательно должна была поперхнуться этим романом. Но если бы это «почти» случилось, то борьбы внутренней всё равно Пастернаку было не избежать: «С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой».

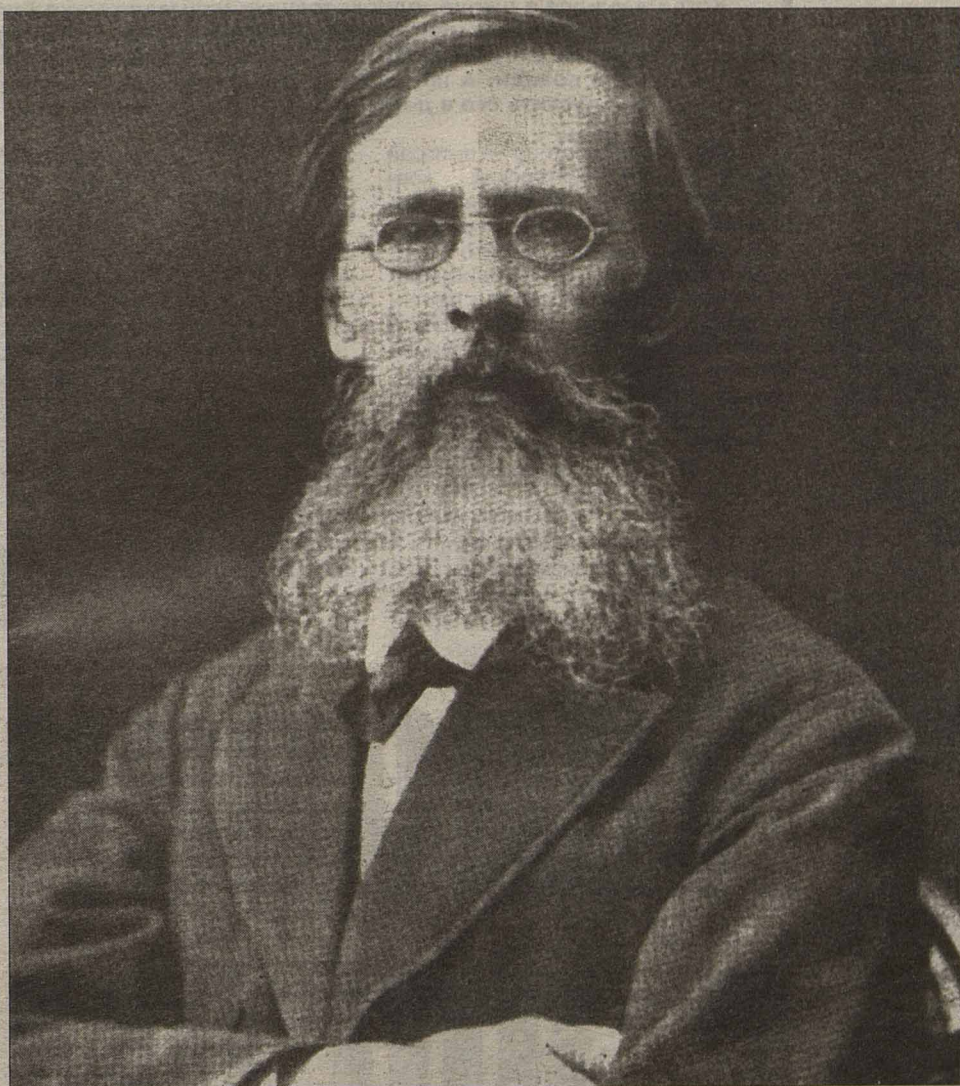
Несоизмеримый ни судьбой, ни талантом с Пастернаком и даже с Мережковским, Аполлон Майков, если приглядеться к нему, опровергает определение самого себя как безоблачного артиста. Жизнь его не была бедна борьбой ни внутренней, ни внешней, хотя текучая равнинность темперамента отличала Майкова от бурно низвергавшихся поэтических водопадов. Тройственный союз Фета, Полонского и Майкова при всей его взаимоконспираторности был основан на общей самозащите права течь, как течется и куда течется, а не грохотать, разбиваясь о скалы имперской реальности.

По фотографиям Майков может внушить современному читателю предвзятую скуку уж слишком вальяжной благообразностью бороды, которая у Толстого всегда несколько всклокочена — хоть одна седая прядь, да торчит в сторону, — а вот у Майкова борода причесана так тщательно, что чуть ли не попахивает не то лампадным, не то репейным маслом. Взгляд настолько отрешен, что может показаться напыленным-самодовольным. Внешняя жизнь Майкова если не к самодовольству, то к довольству все-таки располагала. У него не было фетовского комплекса неполноценности незаконного дворянского сына, и в бытность студенческую он не спасался от недооценки пятикопеечными калачами, как Полонский.

Аполлон Майков воспитывался в полном достатке, будучи сыном академика живописи Николая Майкова, да и сам обращался с кистью вполне профессионально.

Учился на юридическом факультете Петербургского университета. Некоторое время служил помощником библиотекаря Румянцевского музея, затем, с 1852 года до конца жизни, — цензором и даже был благодетельствован государственным доверием: его назначили председателем Комитета иностранной цензуры.

Да и как можно было не оказать доверие чиновнику, который отнюдь не юношей, а уже в возрасте распятого Христа так умиленно описал Николая Первого: «С благоговением гляжу я на него,

Эпиграммы цензора Аполлон МАЙКОВ

1821, Москва — 1897, Петербург

И грустно думать мне, что мрачное величие В его есть жребии: ни чувств, ни дум его Не пощадил наш век клевет и злоязычья! И рвется вся душа во мне ему сказать Пред сомнением его хулителей смущенным: «Великий человек! Прости слепорожденным!». Неслучайно в написанном Некрасовым, Тургеневым и Дружининым «Послании к Лонгинову» появились такие беспощадные строки: «И Майков Аполлон, поэт с гнилой улыбкой, Вконец оподлился, конечно, не ошибкой...». Правда, Майков в разговоре с Яковом Полонским грустно оборонил о своем печально знаменитом стихотворении «Коляска»: «Я был просто дурак, когда видел что-то великое в Николае. Это была моя глупость, но не подлость». Однако такое признание было сделано в частном разговоре, да и то лишь после смерти царя Николая, а стихотворение, хотя и не было напечатано при жизни автора, распространялось в списках и вызвало возмущение своим подобострастием даже у некоторых шепетильных монархистов.

Исторические стихи Майкова были односторонними — они сводились к безусловному прославлению самодержавия как главной опоры России. Сильное стихотворение Майкова «У гроба Ивана Грозного» может понравиться многим сегодняшним оправдателям жестокостей Сталина. Но вот современник Майкова А.К. Толстой признался в предисловии к «Князю Серебряному», что «при чтении источников книга не раз выпадала из рук и он бросал перо в негодование, не столько от мысли, что мог существовать Иван IV, сколько от той, что могло существовать такое общество, которое смотрело на него без негодования».

Страстное стихотворение «Уйди от нас! Язык твой нас пугает!», направленное, видимо, против Некрасова, проникнуто духом нетерпимого к инакомыслящим охранительства, неспособного разглядеть за их ненавистью боль за народ и любовь к нему. Однако думать, что Майков оставался всего-навсего ретроградом-монархистом и апологетом искусства для искусства, было бы непростительной ошибкой. В этом, казалось бы, преступно благополучном поэте тоже сталкивались противоречия его века. Вот, например, весьма современно звучащая эпиграмма, написанная всего-навсего через год после «Коляски»: «Бездарных несколько семей Путем богатства и поклонов Владеют родиной моей. Стоят превыше всех законов, Стеной стоят вокруг царя. Как мопсы жадные и злые, И простолюдуно говоря: «Ведь только мы и есть Россия!».

Подумать только, что это написано пером человека, уже три года работавшего государственным цензором! Вот вам и Россия!

Блистательный портрет послушного чиновника написал чиновник Майков в своей местами полной живописной прелести поэме «Машенька» — отрывок из этой поэмы включен мною в антологию. Но такие майковские стихи, как «Емшан» или банальные славянофильские вариации на исторические темы, по инерции кочующие из антологии в антологию, обхожу без сожаления. А вот стихи, направленные против Некрасова, поместил. Почему? Адресат был ошибочен, хотя подразумеваемого имени Некрасова там, слава богу, нет. И если эти строки переадресовать любым ничего общего не имеющим с Некрасовым сегодняшним подстрекате-

Уйди от нас! Язык твой нас пугает!
У нас сердец восторженный порыв
Перед твоим бездушьем замирает —
Ты желчен, зол, самолюбив...

Меж тем как мы из жизненного мрака,
Стряхнувши прах вседневной суеты,
Вступаем в царство света — создай ты
За икры нас кусаешь, как собака.

1852

Филантропы

Они обедали отлично:
Тепло вращается их кровь,
И к человеку безгранично
Их разгорелась любовь.

Они — и мухи не погубят!
И — дай Господь им долги дни! —
Мне даже кажется, что любят
Друг друга искренно они!

Октябрь 1853

Весна! Выставляется первая рама —
И в комнату шум ворвался,
И благовест ближнего храма,
И говор народа, и стук колеса.

Мне в душу повеяло жизнью и волей:
Вон — даль голубая видна...
И хочется в поле, в широкое поле,
Где, шествуя, сыплет цветами весна!

1854

Летний дождь

«Золото, золото падает с неба!» —
Дети кричат и бегут за дождем...
— Полночь, дети, его мы соберем,
Только соберем золотишком зерном
В полных амбарах душистого хлеба!

1856

Допотопная кость

Я с содроганием смотрел
На эту кость иного века...
И нас такой же ждет удел:
Пройдет и племя человека...

Умолкнет славы нашей шум;
Умрут о людях и преданья;
Всё, чем могуч и горд наш ум,
В иные не войдет создания.

Оледеленою звездой
Или потухнувшим волканом
Помчится, как корабль пустой,
Земля небесным океаном.

И, странствуя между миров,
Воссядет дух мимолетящий
На остовах наших городов,
Как на гранит неговорящий...

Так разум в тайнах бытия
Чтает нам... Но сердце бьется,
Надежду робкую тая —
Авось он, гордый, ошибется!

1857

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печальях изнемож:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог...

1878

лям ненависти, которая легко может перейти в гражданскую или этническую войну или в шовинистские погромы, то стихи послужат добром делу, хотя сам поэт всячески открещивался от «общественной пользы». Стихи о Грозном и о Карамзине я не разделяю, но хочу привлечь к ним внимание в надежде, что они помогут читателям задуматься над ролью самодержавия в России — и царского, и советского, понять, наконец, «неоправдываемость зла».

Но, по-моему, лучшее, что написал этот чрезвычайно противоречивый поэт — Аполлон Майков, это все-таки незабываемый с того времени, когда я был «какашкой-первоклашкой», простенький очаровательный шедевр «Летний дождь» и гениальная, действительно хрестоматийная строчка:

Весна! Выставляется первая рама...